

УДК: 308, 32.019.52, 316.6, 323.2, 324

***Шутов А.Ю., Шестопал Е.Б., Соловьёв А.И., Петухов В.В., Петренко Е.С.,
Мамонов М.В., Барсенков А.С., Зудин А.Ю., Заславский С.Е., Макаренко Б.И.,
Штукина Т.А., Кузнецов И.И., Артамонова Ю.Д., Зорин В.А., Телин К.О.,
Добрынина Е.П., Жестков М.И., Зверев А.Л., Евгеньева Т.В., Смутькина Н.В.***

СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ НАКАНУНЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

АННОТАЦИЯ

В рамках круглого стола, прошедшего на кафедре социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, состоялось обсуждение предстоящих 18 марта 2018 г. выборов Президента Российской Федерации. Основными темами круглого стола стали психологическое состояние российского общества накануне президентских выборов (политические запросы россиян, восприятие гражданами избирательного процесса, политические ценности), а также изменения в структуре и умонастроениях политических элит в преддверии выборов. В качестве экспертов выступили социологи и политологи из Московского государственного университета, Высшей школы экономики, Челябинского государственного университета, Института социологии РАН, фонда «Общественное мнение», Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Центра политических технологий, Института социально-экономических и политических исследований, Центра общественно-политических проектов и коммуникаций. В обсуждении также приняли участие сотрудники Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, «Российской газеты» и Международного информационного агентства «Россия сегодня».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

общество, власть, российская политика, президент, президентские выборы – 2018, политическая психология, избирательные технологии, образ власти.



A. Shutov, E. Shestopal, A. Fedorov, A. Solov'ev, V. Petukhov, E. Petrenko, M. Mamonov, A. Barsenkov, A. Zudin, S. Zaslavskii, B. Makarenko, T. Shtukina, I. Kuznetsov, Iu. Artamonova, V. Zorin, K. Telin, E. Dobrynina, M. Zhestkov, A. Zverev, T. Evgenieva, A. Selezneva, N. Smul'kina

RUSSIAN SOCIETY AND POWER ON THE EVE OF THE 2018 PRESIDENTIAL ELECTIONS (ROUND TABLE)

ABSTRACT

In the format of the round table, which was organized on November 18, 2017, at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, an expert discussion took place on the topic "Russian society and power on the eve of 2018 presidential elections". The main discussed issues were the psychological peculiarities of the Russian society in the context of presidential elections (the political demands of the Russians, the perception of the electoral process in the Russian society, political values) as well as the status of the elites on the eve of the 2018 presidential elections. The experts of the round table were sociologists and politologists from Lomonosov Moscow State University, Higher School of Economics, Chelyabinsk State University, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, "Public opinion" Fund, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Center of Political Technology, Institute of Social-economic and Political Research, Center of Socio-political Projects and Communication. Representatives of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation, of the "Rossiyskaya Gazeta" and of the International News Agency "Rossiya Segodnya" also took part in the discussion.

KEY WORDS:

society, political power, Russian politics, president, the 2018 presidential elections, political psychology, electoral technologies, image of the authorities.



СТРУКТУРА

НЕКОТОРЫЕ АКЦЕНТЫ

ЧАСТЬ 1. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НАКАНУНЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

[Психологический фон президентской кампании](#) • [С чем связана социальная турбулентность после 2018 г.?](#) • [Важнейшие тренды в восприятии власти гражданами](#) • [Три патернализма и два популизма](#) • [Ощущение «неопределенности» в обществе и резкий рост запроса на перемены](#) • [Группы электората и протестные настроения](#) • [Пост-крымский консенсус как ключ к пониманию психологического состояния российского общества](#) • [Крым как символ состояния современного российского общества](#) • [У нас две страны, и в каждой – свои настроения](#) • [Оператор, монтажёр и редактор – ключевые фигуры избирательного процесса](#) • [Выборы Президента России – 2018: новые или «привычные»](#) • [Особенности восприятия россиянами электорального процесса](#) • [Новации избирательной кампании 2018 г.](#) • [Ценности и проблема национальной идентичности](#) • [Реплика](#) • [Идеологическая определённость как электоральный фактор](#) • [Информационные фреймы предстоящих выборов](#)

ЧАСТЬ 2. ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА СТРАНЫ

[Политическая элита и выборы: постановка проблемы](#) • [Раскол элиты в центре и в регионах](#) • [Технократический переворот в элитах как изменение «мягкого подбрюшья» власти](#) • [Переход системной элиты к модели суверенного развития](#) • [В обществе сохраняется запрос на новых лидеров](#) • [Новый формат организации правящего класса](#) • [Элита как локомотив политического развития общества](#) • [Кризис экономики и ценностные имитации со стороны элит](#) • [Проблемы взаимоотношений новых губернаторов с региональными элитами и СМИ](#) • [Элита как фактор риска](#) • [Реплика](#)

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ДИСКУССИИ

STRUCTURE

SOME ACCENTS

PART 1. THE PSYCHOLOGICAL STATE OF THE RUSSIAN SOCIETY ON THE EVE OF THE PRESIDENTIAL ELECTION

[The psychological background of the presidential campaign](#) • [What is the reason for social turbulence after 2018?](#) • [The most important trends in the perception of power by the citizens](#) • [Three paternalism and two populisms](#) • [The feeling of “uncertainty” in the society and the sharp increase in the request for change](#) • [The electorate groups and protest moods](#) • [Post-Crimean consensus as the key to understanding the psychological state of the Russian society](#) • [Crimea as a symbol of the modern Russian society state](#) • [We have two countries and each has its own moods](#) • [Operator, editor and editor are key figures in the electoral process](#) • [Presidential elections in Russia in 2018: new or “familiar”](#) • [On singularity of perception of the electoral process by the Russians](#) • [Innovations of the 2018 election campaign](#) • [Values and the issue of national identity](#) • [Replica](#) • [Ideological certainty as an electoral factor](#) • [Information Frames upcoming elections](#)

PART 2. PRESIDENTIAL ELECTIONS AND THE POLITICAL ELITE OF THE COUNTRY

[The political elite and elections: the statement of the problem](#) • [The split of the elite in the center and in the regions](#) • [Technocratic revolution in the elites as a change in the “soft underbelly” of power](#) • [The transition of the system elite to the model of sovereign development](#) • [There is still a demand for new leaders in the society](#) • [The new format of the ruling class organization](#) • [The elite as a locomotive of the political development of society](#) • [The crisis of the economy and value imitations on the part of the elites](#) • [Problems of the new governors’ relationship with regional elites and mass media](#) • [Elite as a risk factor](#) • [Replica](#)

SOME RESULTS OF THE DISCUSSION



Шутов А.Ю.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

НЕКОТОРЫЕ АКЦЕНТЫ

Мне очень приятно приветствовать коллег из аналитических центров, учебных учреждений, академических структур, коллег с нашего факультета. Состояние общества и власти накануне президентских выборов 2018 г. – тема чрезвычайно важная, находящаяся в эпицентре современных дискуссий. Думаю, что мы внесём свой вклад в это обсуждение и постараемся это сделать на достаточно серьёзном аналитическом уровне.

Отличительная черта этих выборов – акцент на человеческом капитале, экономической сфере, роли конкретного человека в общественной жизни. В современном российском обществе отмечается острый запрос на справедливость, справедливые решения власти разных уровней, справедливые поступки окружающих. Мне кажется, что тема предпочтений и намерений неэлитарных кругов, социальных групп станет одной из основных, если не основной, в ходе предвыборных дебатов.

Далее. Сейчас активно обсуждаются вопросы, связанные с будущим России. Очень много проектов – и прожектов – существует относительно будущего России. Пишутся доклады, иногда в спешке, иногда по размышлению – словом, по-разному. Но, тем не менее, если раньше мы выбирали сердцем или деньгами, кому как нравилось, то теперь общество созрело для того, чтобы всерьёз отнестись к программатике реальных кандидатов. Эти программы уже находятся в поле общественных дискуссий, и, конечно же, в них говорится о будущем России. Этот тренд чрезвычайно важен – у разного рода сегментов электората есть запрос, запрос предметный, сформулированный, относительно будущего России.

По линии Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ) мы провели девять семинаров за лето и осень и увидели, насколько заинтересованно представители региональных экспертных кругов обсуждают как раз эти темы – относительно будущего развития, будущего муниципальных образований, регионов, России в целом. Причём люди связывают эти территориальные траектории с развитием России, её экономики и иных сфер, и вообще с формированием образа нашей страны, позитивного образа России. Вот на это есть спрос, есть актуализированная потребность, и это, наверное, будет отличать данную избирательную кампанию от всех предыдущих.

Можно спрогнозировать и политический уровень кандидатов; к счастью, мы вряд ли столкнёмся с той ситуацией, которая была прежде, когда каждый второй кандидат был либо техническим, либо, как нынче модно говорить,



фейковым. Мне кажется, что коль скоро люди стали обращать внимание на программы, на содержательную канву кампании, то любой кандидат, если он хочет солидно участвовать в выборах, будет опираться на какие-то смыслы, идеи, подходы, и в условиях таких осмысленных, идейно выверенных кампаний вряд ли кандидаты будут ложными.

Уже сегодня можно с уверенностью сказать, что началось пропагандистское сопровождение президентской кампании. Дискурс вмешательства, который нам навязывают из-за рубежа относительно нашего якобы вмешательства в американские выборы, скоро перейдёт в новую стадию – когда все будут вмешиваться уже в наши выборы. Начнётся настоящая информационная война за само признание российских выборов легитимными. Это будет одним из самых главных информационных поводов, идеологических посылов, которые будут сопровождать всю избирательную кампанию.

В общем-то, первые месяцы нового срока полномочий победившего кандидата также будут связаны с подкреплении легитимности. Эта тема, безусловно, очень важная, думаю, мы здесь об этом поговорим, потому что вопросы признания выборов легитимными будут основными, а здесь, конечно же, вопрос о явке – если будет солидная явка, если будет солидного уровня политическая кампания проведена в ходе выборов, даже фейковые каналы вряд ли можно будет противопоставить такому общественному участию. Если вопрос о явке будет решён, скажем так, не на необходимом уровне, ожесточится идеологическая борьба по поводу легитимности и самой кампании, и проведённых выборов. Я хотел бы пожелать успеха нашему круглому столу.

ЧАСТЬ 1. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НАКАНУНЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Шестопал Е.Б.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФОН ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КАМПАНИИ

Год назад мы проводили круглый стол по итогам парламентских выборов, и тогда сделали вывод, что та кампания привела к некоторому разочарованию и демобилизации электората. Наши новые исследования по-



казывают, что ситуация мало изменилась с того времени – та же тема явки будет очень остро стоять в связи с тем, что электораты практически всех кандидатов сегодня не отобилизованы. Это касается даже действующего Президента РФ – около 15% опрошенных нами ещё не определились, как они будут голосовать. Если у главного кандидата есть такой резерв, непонятно, почему с ним не начали ещё работать. Это касается и кандидатов из оппозиции; электорат в целом пока психологически не готов к выборам.

Первая тема, которую мы хотим сегодня обсудить, – это состояние нашего общества, и здесь мой первый призыв к социологам, чтобы они помогли выявить те риски или, напротив, те положительные моменты, которые могут сделать эту президентскую кампанию эффективной или неэффективной. Мне кажется, что есть ряд серьёзных вопросов и кроме явки. Важно выявить глубинные общественные тренды, которые могут повлиять на эти выборы.

Второй вопрос касается состояния власти и политической элиты – как оно может повлиять на выборы и как выборы могут повлиять на состояние элиты. Вопрос сегодня не только в том, кто пришёл на новые позиции на региональном или федеральном уровне, но и в том, в какой мере перемены в политическом классе могут повлиять на управляемость страной уже после выборов. У нас есть данные по восприятию различных политиков, которые говорят о том, что в целом доверие к власти не сильно увеличилось, хотя отдельные политические институты сильно прибавили в общественном мнении. Не только Государственная Дума, но и Совет Федерации приподнялись в сознании наших граждан, это случилось и с политическими партиями, чего мы никак не ожидали. Даже правительство у нас теперь меньше ругают. Не знаю, с чем это связано, возможно, с запросом к власти, чтобы она стала более серьёзной, более эффективной и т. д. Но во всех случаях состояние этого политического класса, направление его развития – это тема, которая требует серьёзного анализа.

Итак, начнём обсуждение с первого вопроса, и в нём несколько тем, которые можно поднять. Первая – насколько общество после тех парламентских выборов вышло из состояния апатии и политического цинизма, которые нам прошлые выборы организовали. Я бы хотела предложить высказаться на эту тему в первую очередь социологам, а затем политологам, которые могли бы проинтерпретировать социологические данные.



Мамонов М.В.*Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)
(119072, г. Москва, Берсенецкий пер., д. 3/10, стр. 2, Российская Федерация)*

С ЧЕМ СВЯЗАНА СОЦИАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ ПОСЛЕ 2018 Г.?

В случае участия В.В. Путина в выборах победитель ясен. Вопрос даже не столько в легитимности, сколько в параметрах явки, но, судя по всему, будут применены и административные, и другие мобилизационные технологии. Скорее всего, явка будет нормальная, чтобы заявить о легитимности этих выборов, однако же с точки зрения населения есть два момента, которые имеют особое значение.

Первый – это отсутствие чётко структурированного образа В.В. Путина. Зачем В.В. Путин идёт на выборы? Ответа на это нет, и возникает вопрос – а зачем тогда избирателю идти на выборы? Без ответа на эти два вопроса получается ситуация некоторой турбулентности, потому что если это будут выборы с доминантным участником (а электоральные рейтинги Путина действительно находятся в районе 70%), то здесь ещё возможна интрига вокруг второго места – и связанного с ним вопроса, что оно даёт, как может быть использовано. В теории это может быть фактором мобилизации и интересных смысловых развилок.

Если мы говорим про состояние общества, как я уже сказал, победа В.В. Путина у большинства не вызывает сомнений. 50% опрошенных не допускают для себя ситуации, при которых Путин не будет участвовать в этих выборах. В результате ключевым становится вопрос, кто будет управлять Россией, как она будет жить после 2024 г. Это открытый вопрос, и он создаёт зону турбулентности, неясности перспектив развития страны. Речь не только об образе будущего страны... Население так глубоко и далеко не мыслит, а мыслит какими-то маркерными коридорами, где должно быть понятно, что будет дальше. И пока власть не предложила ответов на вопросы, что будет со страной после 2024 г., в этом контексте выборы представляют огромный интерес, потому что население находится, по внутренним моим ощущениям, на пороге внутренней турбулентности.

В чём турбулентность? Во-первых, в самочувствии граждан с 2018 по 2024 гг., что связано с нынешними выборами, прежде всего с доминантным мотивом голосования – собственно, каким будет ключевой мотив голосования большинства за действующего президента. Здесь есть много вариантов – для кого-то это благодарность, для других мотив защиты или надежды. Пока доминантного мотива у населения не фиксируется – есть ситуация разброса. Во-вторых, это момент восприятия власти населением. Мы отчётливо фиксируем, что всё больше возникает ощущений



имитационного характера деятельности власти. Можно взять локальную тему – тему коррупции, например. Мне сказали на одной из фокус-групп, как в России борются с коррупцией: «все как в фильме про рыболовство – поймали, показали и... отпустили». Люди воспринимают борьбу власти с коррупцией именно как имитацию. Когда населению политики заявляют – посмотрите, наша власть добрая и пушистая, но граждане-то чувствуют, что по отношению к ним она всё жёстче и жёстче. И этот разрыв всё больше фиксируется.

Опять же, вопрос патриотичности: почему власть по отношению к населению требует максимальной лояльности и патриотичности, а где патриотизм самой власти? Возникает всё больше таких развилочек, которые до 2018 г. не будут существенно сказываться, потому что пока картина достаточно целостная и не возникает вопроса «а что дальше»? А вот когда пройдут выборы с определённым доминантным мотивом голосования за Президента – все эти развилки разовьются, их станет очень много, они станут интересными, и будет активизация по этим развилкам.

Какие мы сегодня видим признаки того, что процесс после 2018 г. в значительной степени будет турбулентным? Как минимум то, что происходит с протестным движением. Формально показатели невысоки, массовости нет, но, когда мы погружаемся в ситуацию на отдельных территориях, по отдельным социальным группам, крайне интересные процессы выступают. Во-первых, сегодня за того же А.А. Навального собираются голосовать даже те, кто негативно к нему относится. Он начинает мобилизовать различные протестные группы. Т. е. определённые категории граждан признают, что не любят А.А. Навального, но голосуют за него, поскольку возникает вопрос – а за кого ещё? Это политическое пространство оказалось зачищённым, кому-то казалось, чем больше оно будет зачищено, тем больше будет спокойствия. А спокойствия не наступает. В одной из фокус-групп мне сказали: мы не ходим на митинги А.А. Навального не потому, что мы боимся, мы ждём, мы готовимся, и это состояние какой-то внутренней подготовки заметно в возрастной группе от 18 до 24. Конечно, это проблемы не тех, кому больше 30-ти, но тех, кому 18–24, особенно в мегаполисах. Этих людей переполняет ощущение, что они предъявят свою повестку, выразят политические интересы, видение развития страны. Более того, наши последние исследования показали: эта возрастная группа очень специфично и интересно воспринимает свою роль по отношению к остальному населению – они считают, что они должны просвещать остальное население, они должны рассказывать о том, куда и как идти, и такая постановка вопроса крайне интересна. Она мотивирует на акции протеста, она мотивирует их активность, и то, что сегодня происходит вокруг протеста А.А. Навального,



свидетельствует о том, что вопросы, которые определяют турбулентность, будут усиливаться после 2018 г.

Опять же, если в кампании В.В. Путина силён будет мотив благодарности, возникнет вопрос – а что дальше? Ведь вряд ли президентская кампания будет кампанией программ. Кто их будет предъявлять? Заинтересован ли сегодня В.В. Путин в том, чтобы предъявлять программу? Ведь первым элементом предъявления должен быть отчёт за то, что было заявлено в 2012 г., а если почитать программные статьи В.В. Путина 2012 г., то очевидно, что большая часть обещаний не реализована. Как тогда предъявлять новое и говорить о том, что мы идём дальше? Сказать, что «пересмотрели концепцию»? Это спорно.

Резюмирую: главные события наступят не в марте 2018 г., а после марта 2018 г., и очень значимый рубеж будет, например, в 2021 г. – это выборы в Государственную Думу. Можно разделить следующий электоральный период на два – это 2018–2021 и 2021–2024... В эти два хронологических этапа будут развиваться интересные процессы.

Зверев А.Л.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

ВАЖНЕЙШИЕ ТРЕНДЫ В ВОСПРИЯТИИ ВЛАСТИ ГРАЖДАНАМИ

Фиксируемые настроения в обществе и основные выводы, которые в своём сообщении привёл М.В. Мамонов, отчасти подтверждаются и исследованиями, проводимыми кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ. В восприятии граждан есть некие интересные развилки и тенденции, делающие общественную картину сложной и неоднозначной.

Первый тренд касается восприятия власти. На протяжении всего постсоветского периода при всей критичности населения в отношении чиновников образы государства имели исключительно позитивный характер и высокий авторитет. За последний год наметились некоторые позитивные сдвиги в восприятии политических партий, законодательной власти, президента, правительства. Очень высокий уровень доверия остаётся к институту президентства, на вопрос: «Кто обладает наибольшей властью в нынешней России?» – 95% считают нынешнего президента самой влиятельной политической фигурой в стране. Но особо стоит выделить рост влияния Государственной Думы: за этот год практически на 15% увеличилось значение этого института. Показатели влияния выросли также у Администрации Президента, Совета Федерации, Правительства. Самое удивительное, что был зафиксирован



рост властного влияния политических партий, т. е. население на самом деле хочет, чтобы партии представляли их интересы, но проблема заключается в том, что партии часто не могут выстроить эффективные каналы коммуникации. Программы, которые сегодня предлагаются избирателям, повторяются, дублируют друг друга.

Другая тенденция заключается в том, что опрошенные стали чаще замечать ослабление привычных функций государства, которые можно представить в типичных ответах респондентов: «государство перестало заботиться о престарелых, больных и детях», «закон строго не наказывает тех, кто угрожает жизни людей».

Второй тренд касается психологической готовности граждан к политическому участию. Сегодня в выборах готовы принять участие 63,7%, это достаточно большая часть населения, и нельзя сказать, что выборы себя дискредитировали, как говорят некоторые эксперты. Но нужно отметить другой аспект: за последние три года политическая активность граждан упала на 20% – в 2014 г. хотели участвовать в выборах 83,6%. Одновременно растёт и показатель общественной апатии: некоторые граждане вообще ни в чём не хотят принимать участия, политика им стала неинтересна. Налицо тенденция к демобилизации, что выражается в падении интереса к политике, снижении готовности участвовать, в том числе и в выборах. Тенденция, сложившаяся под влиянием вялой избирательной кампании по выборам в Государственную Думу РФ, продолжает влиять на общество.

Третий тренд касается идейного наполнения политического сознания российских граждан. С одной стороны, сохраняется стабильный идеологический «центр» в лице «демократов» и «консерваторов», а с другой стороны, в мегаполисах сохраняют своё влияние либеральные настроения, которые хотя и снизились за последние годы, но не так сильно, как снизилась доля сторонников социалистических и коммунистических идей. Важно подчеркнуть, что на данный момент практически упразднился запрос на радикальные взгляды в массовом сознании.

Четвертый тренд. Ожидания общества по отношению к власти изменились по сравнению с предыдущим электоральным циклом. Если в 2012 г. основные требования граждан касались наведения порядка, сохранения стабильности, борьбы с коррупцией и олигархами, то сейчас первое место среди социальных запросов занимает требование эффективности власти, её профессионализма. Это подтверждается и нашими данными относительно запросов на политика, демонстрирующего не внешнюю привлекательность, силу, красноречие или чистоту репутации, но профессионализм, способность улучшения ситуации в стране, заботу о людях и внятную политическую стратегию.



Макаренко Б.И.*Центр политических технологий**(101000, г. Москва, Большой Златоустинский переулок, д. 8/7, Российская Федерация)*

ТРИ ПАТЕРНАЛИЗМА И ДВА ПОПУЛИЗМА

Я благодарен социологам: то, что я услышал, подтверждает построения, которые были у меня год назад, когда я исследовал социальное самочувствие нашего общества. На политологическом языке «диагноз» выглядит так: в обществе резко снизились ожидания по отношению к власти.

В этом есть хорошая сторона, потому что если ожидания снижаются, то революции ждать не стоит; она происходит тогда, когда резко происходит некоторое улучшение, а значит, растут и ожидания, растёт разрыв между ними и реальностью. Плохая же сторона в том, что такое состояние «обустройства» означает кризис общества, и что удивляться, если у нас три года подряд падают доходы населения и снижаются экономические и социальные показатели. Им просто неоткуда расти. После этого краткого вступления позвольте представить моё видение электоральной карты нашего общества.

До сих пор говорили о предложениях программ, но каков спрос на программы? Я бы этот спрос в целом охарактеризовал как «три патернализма и два популизма». Патернализм – это ожидание изменений не от себя, а от государства; это добрые 2/3 нашего общества. Это электорат «Единой России», «Справедливой России» и КПРФ, пусть патернализм там и разный; у кого-то патернализм лояльный, единороссовский – «спасибо, что так много даёте, конечно, надо в три раза больше, но спасибо на этом», есть патернализм разочарованный – «ой, что ж так мало, почему меньше, чем вчера, ну ладно» и разгневанный коммунистический – «ну, вы там совсем уже». Это, конечно, конструкция условная, уязвимая, не все избиратели этих партий стоят на такой позиции, но конкуренция за патернализм идёт давно. Эту борьбу в 2016 г. власть выиграла достаточно уверенно, если судить по результатам «Единой России», и думаю, что на президентских выборах прогноз достаточно оптимистичный: у нас всегда действующий президент или его преемник получал больше, чем «Единая Россия». Если говорить о ключевом ожидании, на президентских выборах даже часть «разочарованного и рассерженного популизма» может за него проголосовать. Так что я соглашусь с коллегой, что проблемы нас ждут не в марте 2018 г., а позднее.

Поэтому вдвойне интересно обсудить два популизма: популизм В.В. Жириновского и другой, появившийся относительно недавно, – это популизм «рассерженных горожан», который мы видели в 2012 г. в ходе



голосования за М.Д. Прохорова. Такой популизм актуализируется тогда, когда у него появляется кандидат-выразитель: стабильной партией в политическом поле он не представлен. Когда появляется фигура, замыкающая на себя чаяния таких людей, мы видим и 20% по Москве за М.Д. Прохорова, и 27% за А.А. Навального. Мы увидели неожиданную мобилизацию такого электората в Москве на недавних муниципальных выборах.

В чём этот популизм похож на то, что мы наблюдаем в Европе и в США? Главная его характеристика – он против истеблишмента. Люди своим голосованием говорят, что при этой власти или при этой системе власти и парламентской оппозиции они для себя жизненной перспективы не видят. Важно отметить: такому популизму программа-то и не очень необходима. Часто этих людей обвиняют в отсутствии программы, но их программа – это как можно более убедительно показать власти кукиш. Это очень плохо, что там нет политической партии, потому что с политической партии можно было бы спросить программу, можно было бы ввязать её в программный спор. А популистской силе не нужно побеждать, ей достаточно заявить о себе уверенно и нанести репутации власти максимальный урон.

Вот что не похоже на западный популизм, так это общественная депрессия, здесь я согласен с коллегой М.В. Мамоновым. Наша системная проблема в том, что даже лояльного избирателя мобилизовать с каждым годом становится всё труднее; его не становится меньше численно, но его всё труднее привести на участок. Популизм – это не самый социальный низ, это нижний средний класс, который боится завтра провалиться ещё глубже, чем провалился вчера и сегодня. Электорат В.В. Жириновского начинался в 1990-е гг. с того, что за него голосовали мужчины 40–50-ти лет с неудачной карьерой и без образования – классический портрет западного популистского избирателя. А вот сегодня популизм другой: это молодые люди, студенчество – высоко образованное городское население! Нигде в мире за популистов такие люди не голосуют. Беда в том, что у нас именно такие люди – молодое, трудоспособное, часто неплохо зарабатывающее городское население – не видит для себя перспективы в этой системе. Им, может, не А.А. Навальный сам по себе интересен, просто всем остальным они не верят.

Может быть, К.А. Собчак кем-то и замышлялась как спойлерский или фейковый кандидат, но если она окажется для этой когорты интересной, то она станет ещё одной референтной фигурой, которая может привлечь к себе эти голоса. Что делать с этим популизмом и как его вписать в перспективу – одна из главных задач следующего электорального цикла; ведь люди с таким поведением – это важная часть нашего перспективного будущего. Их следует включить в нормально работающую политическую систему.



Петухов В.В.*Институт социологии РАН**(117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, Российская Федерация)*

ОЩУЩЕНИЕ «НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ» В ОБЩЕСТВЕ И РЕЗКИЙ РОСТ ЗАПРОСА НА ПЕРЕМЕНЫ

Мне кажется, когда мы оцениваем состояние общества, мы должны отталкиваться именно от социально-экономической ситуации и от сакраментального вопроса – кризис в нашей стране закончился, он продолжается или вообще не начинался? Если судить по нашим свежим опросам, свыше 60% россиян считают, что кризис продолжается, и когда он закончится, неизвестно. Но по некоторым косвенным признакам, по всей системе показателей социально-психологического самочувствия есть ощущение отчётливо выраженного позитивного сдвига в настроениях людей.

Пик депрессивного состояния мы фиксировали в конце 2015 г., сейчас же практически по всем показателям идёт снижение таких настроений. 54% опрошенных оценивают своё социально-психологическое состояние как вполне спокойное, благополучное, и 46% – как негативное, тревожное, но из этого числа с негативным самочувствием только 9% испытывают ощущение злости, раздражённости и т. п. Позитивные тренды налицо.

Тем не менее присутствуют и элементы невротизации общества. Они связаны даже не с обстоятельствами жизни разных групп и слоёв населения, а с той картиной, которая рисуется в медиа – я имею в виду то, что настоящее и будущее России рисуется сквозь матрицы угроз и вызовов. Мол, наша страна находится в состоянии высокой степени мобилизации, её окружают враги, вот вам концепция национальной безопасности, концепция информационной безопасности... безопасность, безопасность, безопасность... Позитивные тренды практически не рассматриваются, и даже когда кто-то робко предложил «давайте что-то хорошее показывать и рассказывать», то сразу пошли сомнения – а откуда это взять? Т. е. гораздо удобнее и приятнее говорить об угрозах, поэтому удивительно, когда социологов спрашивают, почему у россиян такие настроения – вы же, спрашивающие, сами эти настроения и формируете! При этом, как ни странно, может быть, в силу многолетней закалки, выработанного адаптационного ресурса панических настроений не наблюдается, но есть ощущение, которое З. Бауман называл «неопределённость перемен».

Смысл здесь в том, что страх формирует отсутствие понимания, что будет происходить завтра. Жить в ситуации, когда всё может измениться, и не иметь понимания направления этих изменений значит выбирать



стратегию жить сегодняшним днем; так и делает большинство россиян. Они не задумываются о перспективах, не выстраивают длинных жизненных стратегий, поэтому, когда вы говорите, что надо смотреть на мобилизацию, на явку... это периферийная тема для большинства. Президентские выборы ещё через полгода, а думать о них люди будут дай Бог в конце января! Пока же это наши проблемы, а не проблемы наших сограждан, поэтому когда мы говорим о декларативной явке – это вообще ничего не значит; мы прекрасно знаем, что такое декларации и что такое реальность. У нас в опросах меньше 25% уровень протестных настроений никогда не опускается, а сколько выходит на улицу? 2–3%.

По поводу внешнего фактора. Здесь наблюдается очень серьёзный тренд: если раньше внешнеполитическая проблематика долго была для россиян периферийной (она мало кого интересовала до начала 2010-х гг.) и основными угрозами назывались внутренние обстоятельства, то где-то с 2012 г. произошёл большой разворот. Внешние угрозы не просто вышли на первый план, они взмыли вверх: в конце 2013 г. 80% россиян говорили о том, что внешний фактор стал для России ключевым. Внешний фактор, по сути, стал внутренним – в этом его новизна, он стал фактором внутренней политики, он стал сказываться на кошельке каждого человека, он стал фактором понимания того, что происходящее за пределами границ влияет на жизнь самым непосредственным образом.

Где-то с конца 2016 г. этот тренд тоже пошёл чуть вниз, и сегодня не 80%, а только 65% людей, полагающих, что главное – это то, что связано с внешнеполитической или внешнеэкономической ситуацией. Опять актуализируется внутренняя ситуация в стране, и прежде всего весь пакет социальных проблем.

Последнее: наблюдается резкий взлёт запроса на перемены. Получается интересная вещь: когда в стране плохо, люди голосуют за стабильность, и, чем хуже ситуация, тем больше респондентов говорят, что ничего не надо менять. Как только происходит небольшой тренд на улучшение, растёт запрос на перемены. Это как раз подтверждение гипотезы А. де Токвиля, что недовольство ситуацией возрастает не на пике кризиса, а на фазе выхода из него. Вот мы находимся сейчас на стадии выхода из кризиса – и растёт запрос на перемены, впервые за многие годы этот запрос перешёл отметку в 50%: сейчас 52% опрошенных считают, что Россия нуждается в масштабных реформах. Это серьёзный рост за последние три года, а в молодёжной когорте эта цифра доходит уже до 65%... При этом сразу хочу сказать, что этот запрос на перемены не радикальный, не революционный, как многие рассчитывали или рассчитывают, а направленный на обычные, в принципе, вещи – рост экономики, решение социальных проблем, преодоление социальной дифференциации и коррупции. Сюда же относится проблема безработицы: люди видят в России огромное число тех, кого мы называем



«прекариат», особенно в молодёжной среде: люди без официальной занятости, на временных работах и т. д. Эта проблема может очень сильно обостриться, тем более что мы всё-таки живём при капитализме.

Жестков М.И.

*Международное информационное агентство «Россия сегодня»
(119021, г. Москва, Zubovskiy bulvar, d. 4, Российская Федерация)*

ГРУППЫ ЭЛЕКТОРАТА И ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Коллеги, хотел бы согласиться с тем, что выборам, так сказать, нужна свежая струя. Мы и видим в лице К.А. Собчак и прочих «новых кандидатов» эту струю, и балансируем даже на каком-то лезвии дискредитации выборов, конечно, потому что уже все, кто мог и не мог, заявили о своём участии. Вопрос только в ресурсах, будут они или нет; с этим куда сложнее, чем с запросом на изменения.

Следующий вопрос – идёт ли президентская кампания В.В. Путина? Конечно, идёт, просто она, выражаясь языком современных маркетологов, «нативная», естественная. Мы её отличаем, конечно. Здесь и звонки в Челябинск активистам, и поездка в разрушенный дом в регионе и т. д. Конечно, она идёт давно, и вопрос выдвижения более важен для нас процедурно, нежели электорально: люди-то свой выбор уже сделали.

Интересно обсудить активистов, которые находятся в мессенджере Telegram: это тренд, который здесь не обсуждается, но в целом обнародование политических инсайдов – это отдельная история, это отдельный сценарий развития политического процесса, и он, на мой взгляд, очень важен, потому что людям напрямую через их смартфоны преподносят политический процесс. Здесь политика вмешивается не по телевизору, не в СМИ – политика идёт к нему практически домой.

Зудин А.Ю.

*Институт социально-экономических и политических исследований
(115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 18, стр. 1, Российская Федерация)*

ПОСТ-КРЫМСКИЙ КОНСЕНСУС КАК КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Коллеги, мне кажется, нам надо отказываться от инерционного восприятия политического процесса в стране через призму понятий «патернализм» и «популизм». Для полноты картины здесь только «державности» не хватает. Послушайте, если на выборах происходит формирование государственной



власти, очевидно, что ожидания людей будут связаны с государством. При чём здесь популизм и патернализм? Этим стереотипным объяснениям российской политики уже больше 25 лет, и чем дальше, тем больше они мешают нам понимать реальные процессы. Не услышал я в выступлениях коллег-социологов подтверждений тезиса о глубокой депрессии, в которой находятся люди. Опросы ВЦИОМа и Левада-центра об этом не свидетельствуют.

Ключом к пониманию психологического состояния российского общества в канун выборов остаётся пост-крымский консенсус. Проблема в том, как его понимают. Пост-крымский консенсус воспринимается преимущественно как эмоциональное состояние, со временем обратимое; по умолчанию предполагается возвращение к «до-крымской» реальности в массовом сознании. Это неверная интерпретация.

Пост-крымский консенсус также понимается как простая консолидация общества вокруг Путина и власти, т. е. как некая «новая лояльность». И это так же неверно: на самом деле пост-крымский консенсус новой лояльности власти не тождественен.

Как мне кажется, пост-крымский консенсус определяют не эмоции, а новые когнитивные приобретения массового сознания, суть которых в возросшем ощущении коллективной силы, возможностей страны, повышении коллективной самооценки и самоуважения. Содержание пост-крымского консенсуса можно выразить краткой формулой «мы – можем». Именно когнитивные приобретения определяют парадигму восприятия массовым сознанием предвыборной ситуации и ближайших перспектив. В этом смысле дата выборов 2018 г. выбрана осмысленно и удачно и хорошо работает на контекстуальное встраивание пост-крымского консенсуса в повестку выборов.

Следующий сюжет. Восприятие выборов 2018 г. отличается рядом особенностей, явных и скрытых. Здесь отдельная благодарность М.В. Мамонову, который об этом заговорил. Я только немного переформулирую. Безальтернативность и предрешённость результатов, о чём говорят все, порождает первую особенность выборов 2018 г.: они воспринимаются как техническая процедура, а не как политическое событие. В связи с этим возникает и проблема явки.

Вторая особенность выборов 2018 г.: массовые ожидания сконцентрированы скорее не на выборах, а на поствыборной ситуации. «Пост-крымский консенсус» определяет и новое качество ожиданий и требований, предъявляемых к поствыборному будущему. Именно поэтому разговоры про «новую лояльность» способны только ввести в заблуждение. Удовлетворение запроса на полноценный «внешнеполитический суверенитет» (Крым, Сирия, активное противодействие давлению Запада) актуализирует запрос на «экономический суверенитет», на то, чтобы состояние российской экономики было приведено в соответствие с возросшими возможностями российского государства.



Ещё одна особенность выборов 2018 г. связана со стилистикой необъявленной кампании основного кандидата. Фактически избран «бесшовный», плавный переход из довыборного состояния в состояние избирательной кампании. Во многом это логично. Общественный запрос на В.В. Путина как участника выборов и В.В. Путина в следующем президентском сроке уже существует. «Бесшовный» переход органичен и для самого В.В. Путина: президент с 2000 г. работает в режиме постоянной избирательной кампании, после выборов для него она продолжается в новой форме. Проблема в том, что это также работает на снижение явки.

Много обсуждается, каким образом неадминистративными методами повысить явку. Выборы как праздник, совмещение с символической датой воссоединения с Крымом – это хорошо, но я не уверен, что это принесёт необходимый эффект. Карнавализация выборов – появление новых, экзотических кандидатов – тоже вряд ли способна существенно поднять явку, это может обеспечить информационное сопровождение кампании. Хотя нужно помнить, где карнавал, там и балаган, а выборы первого лица государства воспринимаются большей частью граждан как серьёзное дело. Есть ещё два технологических решения: одно – приблизить время вступления В.В. Путина в кампанию к дате выборов, другое – усилить предвыборное звучание ежегодного президентского послания и перенести его на 2018 г. Как это всё работает – вопрос открытый.

Между тем выборы 2018 г. обладают скрытым потенциалом очень крупного политического события, а значит, есть возможность повысить значимость выборов в субъективном восприятии. О чём речь? Президентские выборы – это всегда не только выборы первого лица, это и выбор коллективного будущего. В выборах 2018 г. данное обстоятельство многократно усиливается. Нужно просто назвать вещи своими именами: это последние президентские выборы В.В. Путина – в этом их реальный смысл, который, с моей точки зрения, можно эксплицировать и предъявить избирателю. Здесь заключён высокий потенциал, который может быть использован для повышения явки. Таким образом, необходимо парадоксальное решение: для того, чтобы выявить смысловой потенциал выборов–2018, в него должна быть включена перспектива выборов–2024. Содержание избирательной кампании 2018 г. должно определяться формулой «Путин плюс...», это позволит создать на выборах 2018 г. новый мобилизующий горизонт, в котором далёкие выборы 2024 г. станут только вехой, а не точкой возможной бифуркации. И для мобилизации на выборах 2018 г. одного только позитивного образа будущего может быть недостаточно, необходимо включение и негативной мотивации, своего рода патриотического беспокойства.

Конечно, на негативную мобилизацию работает противостояние с Западом. Это фактор реальный, он не придуман в телевизоре, не надо изображать людей более глупыми, чем они есть на самом деле. Люди давно



научились отторгать крайности «ящика», они перестают смотреть или переключаются. Внешние вызовы совершенно реальны, люди это понимают и ответственным образом на них реагируют. Но помимо противостояния с Западом дополнительным фактором драматизации избирательной кампании может стать выявление реального политического смысла выборов 2018 г.: поскольку для Путина-президента это последние выборы, их необходимо использовать, чтобы сделать необратимыми позитивные перемены, которые произошли в путинскую эпоху. Это значит, что на выборах 2018 г. В.В. Путин должен обрести максимально возможную политическую силу. Для этого на выборы должны прийти как можно больше его сторонников. Напоминание об особенностях кампании 2018 г. может создать новую мотивацию.

Евгеньева Т.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

КРЫМ КАК СИМВОЛ СОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В конце 2014 г. в российской политике сформировался новый концепт, воспринимаемый как значимое основание социального сплочения – «крымский консенсус». Этот концепт на определённое время оказался одним из наиболее популярных и востребованных.

«Крымский консенсус» интерпретировался одновременно как своеобразный внутриэлитный контракт и как согласие между властью и обществом по поводу ценностей и смыслов сплочения российского общества. Он стал отражением специфической социокультурной и политической ситуации, включающей несколько взаимосвязанных факторов: реинтеграцию Крыма, события на востоке Украины, санкции и контрсанкции, актуализировавшие в массовом сознании стереотипизированный образ «враждебного Запада» и его «агентов влияния» внутри России, подрывающих российскую государственность, – каждый из которых нашёл своё выражение в совокупности новых образов и символов, активно транслируемых средствами массовой коммуникации.

Этот консенсус сыграл серьёзную роль в расширении образно-символического пространства идентичности за счёт наполнения его смыслами, однако уже к концу 2016 г. эксперты начинают ставить вопрос о спаде интереса, особенно у молодого поколения, к образу Крыма и ослаблении его символического значения.

Можно предположить, что в восприятии части молодёжи массивная информационная кампания в государственных СМИ вызывает желание



«противостоять давлению со стороны власти». Результаты наших исследований показали, что Крым становится ядром политических расколов в оценке респондентами российского государства и его институтов.

С одной стороны, условные «патриоты-государственники» продолжают строить свою политическую идентичность на позитивном образе «возвращённого Крыма»; отрицание этого образа для них – показатель принадлежности к «врагам России». С другой стороны, Крым находится в центре разнонаправленных негативных ассоциаций, связанных с оценкой как внутренне-социально-политического положения граждан России, так и геополитической активности российского государства.

Исследования последних двух лет показали, что образно-символическое пространство «крымского консенсуса» в сознании значительной части россиян и особенно представителей молодого поколения было, во-первых, достаточно упрощённым и стереотипизированным, а во-вторых, монолитным.

Если в 2014–2015 гг. и начале 2016 г. высказывались предположения, что «крымский консенсус» станет новым центром конструирования российской нации, то к концу 2016 г. Крым как символический элемент почти перестал появляться в ответах респондентов. Из эмоционально окрашенного символа объединения «русского мира» и укрепления российского государства Крым трансформировался в достаточно нейтральный образ не самого благополучного из регионов. В этом контексте возникает вопрос не только о сохранении привычных образов и символов, но и о поиске новых оснований интеграции российского общества.

Петренко Е.С.

Фонд «Общественное мнение»

(123022, г. Москва, ул. Рочдельская, д. 15, стр. 16, Российская Федерация)

У НАС ДВЕ СТРАНЫ, И В КАЖДОЙ – СВОИ НАСТРОЕНИЯ

Мы имеем сегодня как минимум две страны. Одна страна – благополучная, доброжелательная, гражданская страна. Она маленькая – одна шестая от выборки, быть может, даже меньше. Там люди друг другу помогают, с патриотизмом всё нормально, а вот остальная огромная страна – она другая, и там очень всё неровно.

Вот, скажем, явили электорату К.А. Собчак. Электората, как и страны, на самом деле два, а показатели у нас – средние по больнице. Так вот, у К.А. Собчак две недели назад был 1% среди тех респондентов, которые на наши вопросы отвечают... А ведь как только К.А. Собчак заявила о намерении участвовать в выборах, мы усомнились – ну где К.А. Собчак и где наша благополучная в социологическом плане часть страны? Мы думали,



что она не ко двору – а тут сразу 1%. У Г.А. Явлинского, давно и заслуженно известного, – 1%, и у К.А. Собчак – недавно из телевизора, недавно с Болотной – тоже 1% у благополучной части. А если посмотреть на самое молодое поколение, которому от 18 до 23 лет, у Собчак было 4%, потому что она «своя», что ли, для них... Причём эта молодёжь – это не телевизионное поколение, это благожелательная, достаточно критическая часть электората! Так вот, всего через неделю у К.А. Собчак по нашей «больнице» стало 2%, а у этого поколения – 6%. Ситуация странная, какая-то патологическая, я не знаю, как это объяснить.

Добрынина Е.П.

«Российская газета»

(125993, г. Москва, ул. Правды, д. 24, стр. 4, Российская Федерация)

ОПЕРАТОР, МОНТАЖЁР И РЕДАКТОР – КЛЮЧЕВЫЕ ФИГУРЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Я хотела бы сказать о трёх ключевых фигурах нынешней кампании, о которых мы почему-то сейчас не упоминаем. Это три бойца невидимого фронта, а называются они – оператор, монтажёр и редактор. В 1990-х гг., в 2000-х гг. мы имели дело с борьбой личностей. Сейчас мы имеем дело, скорее, с борьбой их виртуальных образов и интерпретаций, причём интерпретаций крайне простых, крайне незамысловатых, которые умеются в экран ноутбука, да даже и не ноутбука, а простого и дешёвого смартфона. И, соответственно, мы видим, как любое событие и любую личность при желании эти три ключевые фигуры – оператор, монтажёр и редактор – могут отрихтовать под те задачи, которые требуются. Но это на самом деле очень неприятная вещь, с которой приходится сталкиваться. Мы говорим, что люди выдвинут какие-то программы, что их будет оценивать общество – но ни того, ни другого может и не случиться.

Кузнецов И.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)

ВЫБОРЫ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ – 2018: НОВЫЕ ИЛИ «ПРИВЫЧНЫЕ»

Предстоящая избирательная кампания при любом составе участников будет посвящена траектории социально-политического развития России после президентства В.В. Путина. Иначе говоря, будет решаться вопрос «Что после?» как с точки зрения содержания политической программы, так и в



институциональном плане; в этом смысле выборы 2018 г. отчасти схожи с кампаниями 2000 и 2008 гг.

Отличия 2018 г. от кампаний прошлых лет:

- более широкий разрыв по времени между выборами в ГД и Президентом РФ (фактически 1,5 года), что даёт иной ритм подготовке и проведению кампании. Ранее выборы в Думу были де-факто репетицией президентских и давали возможность получить именно партийную поддержку основным кандидатам, отстроить в едином режиме предвыборные штабы, подготовить программу и т. д. Теперь всё иначе, что объясняет незаметную, «вялую» кампанию;

- возрастание значения внешней повестки для позиционирования кандидатов и их предложений. Это – первая кампания, в течение которой Россия участвует в боевых действиях за пределами собственной территории, а также первая кампания в новом для страны геополитическом статусе, с возвращённым Крымом. Естественно, особенностью кампании будет и то, что это первая президентская кампания в условиях санкций и конфликта с США;

- это будут первые президентские выборы для молодых россиян, родившихся после 1994 г., которых обычно определяют как первое постсоветское поколение; у этих людей иной способ потребления информации, яркие амбиции самореализации в условиях свободной демократической системы, отсутствие кризисной социализации (предшествующим поколениям достались и «Перестройка», и «путч», и Чечня). Представители нового поколения во многом склонны к уличному активизму, требуют «движа» и стремятся продвинуть свою повестку;

- увеличенный срок полномочий главы государства (с 4 до 6 лет), что ставит вопрос об обновлении политического класса особенно остро (В.В. Путин в 2024 г. будет 72 года, а Г.А. Зюганову – 79 лет).

В выборах 2018 г. есть организационные новации, связанные с процедурой: если в 2012 г. были установлены камеры в УИКах, то в грядущих выборах видео будет использоваться и при подсчётах голосов в ТИК. Кроме того, выборы 2018 г. будут серьёзно влиять на образ России в мире, поскольку будут стресс-тестом всей политической системы страны, тестом способности элиты воспроизводить политический порядок.

Возможно, в чём-то предстоящие выборы могут сложиться как «привычные». Вряд ли будет существенно ниже явка избирателей – ведь за счёт Крыма увеличилось число избирателей, а кроме того, более высокий интерес к кампании по сравнению с думской и региональными / муниципальными выборами давно стал привычным.

Основной содержательный вопрос на данных выборах будет посвящён стратегии политического и социально-экономического развития России.



Возможно обращение к решению проблем страны не только на уровне обсуждения формата представительства интересов, но и на уровне модернизации власти, развития федерализма и т. д. Важно, что выборы могут стать фактором становления новой региональной политики, т. к. произошло значительное обновление корпуса губернаторов.

Смулькина Н.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РОССИЯНАМИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Результаты кафедральных исследований показывают, что в представлениях россиян центральными фигурами электорального процесса являются кандидаты, а не избиратели. Заметна низкая значимость активного избирательного права для многих рядовых граждан. По сравнению с 2014 г. сократилось число тех, кто готов прийти на выборы в качестве избирателя, и тех, кто готов идти на выборы как кандидат. Возрастает отчуждение российских граждан от политики, четверть респондентов отмечают своё безразличие к ней.

Политическое участие нередко отождествляют с электоральным поведением; в свою очередь, автономные формы поведения россияне относят к неконвенциональной политической активности. Важным становится отношение граждан к протесту и образу российской оппозиции. Образы российских оппозиционеров, согласно нашим исследованиям, не становятся в последнее время более привлекательными, но их активность находится под более пристальным вниманием, чем ранее. Связана эта тенденция, вероятно, с запросом общества на новые лица в российской политике и с естественным стремлением граждан сопоставлять образы реальных политиков со своеобразным «идеалом оппозиционера». От такого идеала ждут прежде всего принципиальности верности своему электорату, но и умения устанавливать связи с общественностью и властью. Критика, лишённая действий, оценивается опрошенными негативно. От идеального оппозиционера, соответственно, не требуют «политического веса», ему приписывают скорее роль «гласа народа». Данная тенденция лишь подтверждает тезис, что сам институт выборов сейчас воспринимается скорее как способ рекрутирования элиты, канал политической мобильности и процедура легитимации. В меньшей степени он воспринимается как возможность политического участия, как условие реализации избирательных прав.



Заславский С.Е.*Центр общественно-политических проектов и коммуникаций
(119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 20, Российская Федерация)*

НОВАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 2018 Г.

Хотелось бы сделать ряд замечаний, связанных с новациями грядущей кампании. Мы видим новые лица, новые решения. К.А. Собчак для президентского формата очень юная, А.А. Навальный тоже молодой. У нас сейчас включаются в электоральный процесс избиратели, которые родились в 1999–2000 гг., и их не было на выборах 2011–2012 гг., просто по возрасту не было. Их немного, но это новое поколение, важное и необычное. У них клиповое мышление, у них иные формы коммуникации, и они не связаны с теми форматами и установками, которые долго и с успехом эксплуатировались. Апеллировать к ним на контрасте с 1990 г. не очень эффективно. Мы можем задаваться вопросами о том, как изменится под воздействием этого поколения избирательный процесс, но точных ответов и прогнозов у нас нет.

Последний момент – я соглашусь с коллегами, что ретроградная дислокация ошибочна. Мы находимся на экономическом подъёме, но и в таких условиях возникает риск неудовлетворённости ожиданий на пике выхода из неблагоприятных социально-экономических условий. И это действительно важный электоральный сюжет.

Барсенков А.С.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

ЦЕННОСТИ И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Выборы 2018 г. будут особенными. Они состоятся после третьего срока пребывания в должности ныне действующего президента.

За последние 17 лет в России произошли важные позитивные изменения. Ликвидирована угроза распада страны, восстановлена государственная субъектность, стабилизирована система общественных отношений. Стал реальностью суверенитет в международной сфере. Успехи России во внешней политике часто упоминаются в информационном пространстве, о внутренних достижениях говорится меньше. В числе вызовов остаются повышение эффективности экономики, технологический рывок, рост благосостояния, развитие публичной политики и гражданской инициативы. На одно из первых мест возвращается идея социальной справедливости. Сегодня доля богатства, приходящегося на 40% людей из среднего класса,



медленно, но верно снижается, а доля самых богатых устойчиво растёт. На них приходится более 70% национального богатства; половина этого состояния – в офшорах.

Вторая тема – выборы в Государственную Думу, о которых мы говорили год назад. Тогда речь шла о том, что в последнее время политика вытесняется политическими технологиями, а конкуренция идей и дискуссия о проблемах и перспективах развития страны задвигаются на второй план. Только нынешней осенью наметились перемены. В то же время влияние бюрократии превышает разумные рамки: иногда спускаемые «сверху» решения, реализованные без общественной и профессиональной экспертизы, оказывались неудачными. К их числу следует отнести школьную реформу, происходящее вокруг РАН. При этом явно провалившиеся администраторы редко несут ответственность. Отсюда возникает проблема участия граждан в общественной жизни. Она может проявляться как в апатии, так и в накоплении протестного потенциала.

Третий момент – это позиция молодёжи, которая хочет участвовать, самоутверждаться, обострённо воспринимает проявления несправедливости, склонна к эмоциональным и резким реакциям. В этом смысле появление К.А. Собчак в качестве кандидата в президенты симптоматично и не столь безобидно, как может показаться. Она соединяет в себе две важные вещи, связанные с молодёжными настроениями. С одной стороны, это протест, а с другой – «прикол», т.е. яркая шутовская форма самопрезентации. На самом деле такой подход имеет под собой серьёзные политтехнологические основания и может быть чреват далеко не безобидными последствиями. Невнимание к ценностным основаниям воспроизводит либо радикальные настроения в пользу смены лидеров, либо запрос на протест как ценность, формы и масштабы которого могут зависеть от конкретных ситуаций.

Работа по формированию современной идентичности России также ведётся в рамках узких политтехнологических подходов. Эта проблема напрямую связана с интерпретацией истории, и здесь, на мой взгляд, есть большие проколы. Люди, которые отвечали за подготовку столетия нашей революции, полностью проиграли 2017 г. Дату можно было использовать как хороший повод для национальной консолидации, повышения самооценки нынешнего поколения, тем более что революция была событием всемирного значения. Была выстроена государственность, гарантирована независимость страны. Начало создания в России нового типа общества – социально солидарного – гуманизировало капитализм во всём мире, дало мощный освободительный импульс колониальным странам. Осуществлённый страной в 1930-х гг. рывок в социально-экономическом и культурном развитии позволил победить нацизм. Нетрудно представить, чем были бы современная Европа, да и мир в целом, если бы не СССР со



всеми его плюсами и минусами. Кроме того, Советский Союз сдерживал навязчивую американскую гегемонию (которую сейчас деликатно называют «лидерством»), делая биполярный мир более безопасным в сравнении с нынешним. Это, несомненно, общецивилизационные завоевания, корни которых уходят в 1917 г. А сейчас апогеем мемориального года стали немецкие деньги В.И. Ленина, авантюризм Л.Д. Троцкого и жертвы репрессий. Очевидно, что восприятие россиянами своего прошлого существенно объёмнее спущенного политтехнологами «сверху».

В этом смысле, думаю, перед нами стоит серьёзнейшая проблема — изменение отношения ко всему советскому периоду нашей истории как к важнейшему инструменту управления и мобилизации. Формально тема возникла в 2012 г., когда после неудачи курса на «интеграцию в мировое сообщество» был заявлен переход к национально-ориентированному развитию. Вскоре появился историко-культурный стандарт для написания учебников, к которому, однако, остаются вопросы. По сути, мы только подступаем к переосмыслению важнейших событий и процессов своей истории XX в. Россия, возможно, единственное в мире государство, где в школьном и вузовском образовании в изобилии присутствует материал, не побуждающий выпускников жить в «этой стране»; так строить стратегии будущего невозможно. Этот фактор придётся учитывать и в ходе избирательной кампании 2018 г., и после её завершения.

Петухов В.В.

Институт социологии РАН

(117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, Российская Федерация)

РЕПЛИКА

Два слова о революции. Мы провели исследование, как общество реагирует на столетний юбилей. Появляется новый феномен – «пост-память»; революция проникает в ткань семейных традиций, воспоминаний... Мне кажется, это существенно, и это позитивный момент, связанный с юбилеем. Он актуализировал этот интерес даже у молодых людей – на стороне белых, на стороне красных... дедушка на одной стороне, бабушка на другой стороне. А почему так не ярко отмечалось... Причина политическая – боялись раскола провластной группировки. Если бы эта дискуссия получила развитие, «Единая Россия» раскололась бы, потому что там есть люди, которые не воспринимают Октябрьского переворота, и есть люди, которые считают, что революция дала толчок развитию великого государства, победе и т. д. Мне кажется, вот такая причина.



Соловьёв А.И.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ КАК ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ФАКТОР

Я хотел бы немного сместить фокус разговора. Коллеги, совершенно очевидно, что речь должна идти не об оценке психологического состояния российского общества на сегодняшний день, а о стартовых характеристиках общественного мнения в начале нового политического проекта. Выборы же как политический проект – это управляемая конструкция с применением определённых инструментов и технологий. Думаю, все собравшиеся солидарны в том, что, во-первых, итоги выборов предрешены, а во-вторых, административные и информационные ресурсы власти, а также профессионализм их технологов достаточны для того, чтобы решить поставленные задачи.

Если раньше на выборах стояла задача обеспечить 70% поддерживающих кандидатуру властей и тем самым прилично выглядеть, то теперь, думаю, при тех же цифровых показателях задача технологически модифицируется: политическое пространство становится более пёстрым и информационно насыщенным. В этом контексте незначительные социальные игроки или акции могут спровоцировать известные риски. Например, риски для власти могут возникнуть, если они начнут делать чёткие идейно-политические акценты относительно разведения левых и правых, красных и белых. Тем самым они существенно подорвут ту базу самолегитимации, на которую рассчитывают весной 2018 г. Опасность заключается ещё и в том, что идеологическая всеядность сталкивается с попытками различных политических сил добиться от властей чётких идеологических ориентиров. Поэтому если власти делают упор на надидеологические, внешне примиряющие всех «ценности», то политические игроки требуют от неё определённых подтверждений либо опровержений собственных идейных принципов.

Прежде всего это касается таких болевых точек истории, как оценки деятельности В.И. Ленина и И.В. Сталина, советского пути развития, позиционирования страны, оценки оппозиции. Учитывая, что в стране не проводились никакие кампании по десталинизации и десоветизации, в обществе сильны позиции сторонников тоталитарного прошлого. В этом плане хочу напомнить, что в Германии после войны власти активно проводили программу денацификации, заставляя людей в обязательном порядке посещать места бывших концлагерей, добиваясь визуализации ужасов фашизма. Тем



не менее через десять лет после окончания войны больше половины немцев положительно оценивали фигуру Гитлера. Россия же оказалась в более запущенной ситуации, так как власти не продемонстрировали общей оценочной базы прошлой истории и даже не расставили убедительных предварительных акцентов. Ориентированные на массовую легитимацию своего кандидата, власти вообще уходят от этой проблемы, значительно затрудняя и более существенный политический процесс, а именно поиск людьми политической и национальной идентичности, обретения гражданской зрелости и даже важнейший для общества процесс формирования подлинного патриотизма. Одним словом, крайне важные общие политические цели приносятся в жертву очередным «судьбоносным» выборам.

Артамонова Ю.Д.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ФРЕЙМЫ ПРЕДСТОЯЩИХ ВЫБОРОВ

Хотелось бы сделать несколько замечаний по поводу состояния информационного пространства в преддверии выборов.

Во-первых, мы должны отметить, что до сих пор присутствующий в отечественной повестке «образ врага» является сильным мобилизационным фреймом и не соответствует общей установке на «спокойное» проведение выборов, которое не должно привести ни к росту разноразправленной политической активности, ни, тем более, к росту политических противостояний. Это противоречие делает невозможным обращение к «старому» фрейму «рынка» в объяснении как внешней, так и внутренней политики; на таком «рынке» партнёры хотя и готовы обманывать друг друга, тем не менее озабочены как минимум сохранением себя, своего товара и возможностей производства и обмена, поэтому существуют негласные границы взаимодействия, за которые они не выйдут.

Мы же сегодня наблюдаем интенсивное внедрение вопросов внешней политики в сферу массовых дискуссий, и полицейская операция по наведению порядка, а именно так представляется зрителю, к примеру, операция в Сирии, не нуждается в обсуждении – она одобряется по определению. Даже в ситуации войны американцев в Ираке столь мощной дополнительной информации и о стране, и о происходящем на её территории не было. Сегодня мы видим очень детальную, очень насыщенную картинку – с картами, рекогносцировкой, техническими характеристиками самолётов, вертолёт и кораблей. В современной России даже редко включающий телевизор зритель



вряд ли мог миновать динамичную картинку, демонстрирующую открытие люка и падение на цели авиационных снарядов – она и подобные ей регулярно воспроизводятся в новостных выпусках. Мы имеем дело с тезисом «своё дело сделают профессионалы», однако при этом все люди должны «поддерживать», «одобрять» и «слушаться профессионалов». Речь идёт о фрейме «воспитание», требующем активного послушания старшим, на роль которых, собственно, и претендует сейчас власть. Грубо говоря, транслируется следующий образец поведения: все проблемы решат специально обученные люди, вы работайте и слушайтесь, и всё у вас будет.

При всей своей востребованности для власти в предстоящей избирательной кампании и успешности такой фрейм «воспитание» порождает несколько проблем, которые дадут о себе знать. Это, во-первых, риск отчуждения от этих «старших», «воспитателей» (а власть позиционируется как «старший»), рост апатии, особенно в среде образованного населения. Именно это, мне кажется, мы уже наблюдали в ситуации выборов в Государственную Думу РФ в 2016 г.

Во-вторых, граждане могут предъявить власти требование доказывать её право быть «воспитателем», рост претензий к качеству и стоимости управления. Это может усугубиться за счёт эмоциональной угнетённости из-за предписанной роли ведомого, ведь при эмоциональной угнетённости острее чувствуется несправедливость.

ЧАСТЬ 2. ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА СТРАНЫ

Шестопал Е.Б.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(19991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА И ВЫБОРЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Мы подробно обсудили, что в обществе происходит и какие риски здесь есть. По-моему, мы не достигли консенсуса по поводу самих рисков, чего стоит бояться и есть ли опасности, которые подстерегают власть со стороны общества. Переходим ко второму вопросу – о состоянии власти и элиты. Ведь и в политической элите наблюдаются разные группы, заинтересованные в легитимации избранного президента, а также которые



«держат кукиш в кармане», и есть даже возможные кандидаты в президенты, которые этот кукиш выражают. Предлагаю обсудить, насколько верна гипотеза, что современные элиты делятся на тех, кто сформировался вокруг нынешнего президента в более или менее спокойные 2000-е гг. (это бюрократизированный тип элит, который хочет уцелеть и для которого главное сохранить те позиции, которые есть сейчас), и на новых, более голодных элит, которые ещё не достигли заданной цели, и они могут стать таким раскачивающим стабильность элементом.

Жестков М.И.

*Международное информационное агентство «Россия сегодня»
(119021, г. Москва, Зубовский бульвар, д. 4, Российская Федерация)*

РАСКОЛ ЭЛИТЫ В ЦЕНТРЕ И В РЕГИОНАХ

Конечно, существует разлом в элите. Идеологический и пр. – те же группировки, которые «по инсайдам ходят». Другое дело, что у каждой этой группы есть свой запрос; даже и за К.А. Собчак тоже стоит такая группа. Они просто хотят вызвать некий ажиотаж, я не думаю, что кампания К.А. Собчак ориентирована на долгосрочную перспективу; да, это кандидат с историей, который вызывает какую-то реакцию, но не более того. Но это попытка найти канал для рассерженных горожан – о нём заговорили, а потом, естественно, он был признан необходимым и немедленно найден, можно сказать.

Что касается региональных элит – в Интернете несколько месяцев назад, когда был пик кадровых перестановок, ходила такая картинка, где несколько губернаторов были на одно лицо. Что это нам говорит? Это говорит, что явного лидера, конечно, нет, здесь нет такого шлейфа информации, биографии, как было у губернатора Тульской области А.Г. Дюмина. Здесь этого нет, это просто молодые технократы, такое облако губернаторов, которые ничем не выделяются, и мы не можем сказать, какой вес каждый из них имеет.

Конечно, происходящее обновление региональных элит – это в первую очередь очень хороший показатель для выборов президента, потому что есть регионы, где просто надоели управленцы, которые были до того; например, в Самарской области от товарища Меркушкина все просто устали. Но к новому губернатору ещё не привыкли – он был необходим как символ обновления элиты. Он сыграет свою роль, но здесь другая развилка: как сыграет протестный электорат. От этого много зависит.



Соловьёв А.И.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ В ЭЛИТАХ КАК ИЗМЕНЕНИЕ «МЯГКОГО ПОДБРЮШЬЯ» ВЛАСТИ

Думаю, что рост позитивных оценок гражданами институтов власти отражает не повышение роли институтов, а всего лишь успехи медиа менеджеров в проведении символических кампаний. Хорошо известно низкое качество наших институтов, по-прежнему сохраняющих все свои изъяны, и отсутствие должных компетенций у управляющих. Это и понятно, поскольку институты – это верхушка айсберга, который олицетворяет доминирование элитарных кланов, для которых основная масса чиновников является всего лишь техническими фигурами, призванными озвучивать решения по «правильному» распределению ресурсов.

Кстати, имея в виду внутриэлитарные коммуникации и заглядывая в поствыборный период вплоть до 2024 г., надо понимать роль и позиционирование формирующихся сегодня новых сетевых коалиций правящего режима. То, что сегодня называют «технократическим обновлением» и «повышением компетентности» правящего слоя и даже отстранением политических тяжеловесов от рычагов власти, на самом деле создаёт в истеблишменте весьма опасную конструкцию (к примеру, провоцирующую угрозу «перебежчиков» из команды президента, находящегося у власти последний срок). Это говорит о том, что на самом деле значительно более серьёзные политические изменения ждут страну в поствыборный период.

Зудин А.Ю.*Институт социально-экономических и политических исследований
(115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 18, стр. 1, Российская Федерация)*

ПЕРЕХОД СИСТЕМНОЙ ЭЛИТЫ К МОДЕЛИ СУВЕРЕННОГО РАЗВИТИЯ

Я хочу обозначить факторы, которые определяют расстановку и соотношение сил в элитах.

На первом месте – пост-крымский консенсус: он ускорил начавшуюся ранее трансформацию элит в направлении национализации, т. е. к такому состоянию, при котором реальные обязывающие связи со своей страной по своей силе многократно превышают внешние связи и обязательства.

Второй фактор – выборы 2016 г. в Государственную Думу. Депутатский корпус существенно обновился, укрепились позиции в отношениях с прави-



тельством. Началось перераспределение политического веса в треугольнике «Государственная дума – Единая Россия – Правительство».

Третий фактор: вслед за повышением влияния Государственной Думы с небольшим лагом последовала активизация Совета Федерации, приток туда сильных людей с новыми компетенциями.

Четвёртый фактор – кадровая революция, которая связывается с обновлением губернаторского корпуса, но этим не исчерпывается. Формируется критическая масса новых лидеров, необходимо вспомнить ещё и конкурс «Лидеры России». Кадровая революция создаёт благоприятный психологический климат для избирательной кампании В.В. Путина, подтверждает реальность социальных лифтов и устремлённость в будущее.

Пятый фактор – долговременный: это кумулятивный эффект антикоррупционной политики и мер по национализации элит. Он был ускорен крымским консенсусом, но это самостоятельный фактор. Одним из его проявлений стало серьёзное укрепление позиций силовиков в общественном мнении. Это не только спецслужбы и армия, но и полиция, доверие к которой выросло.

Шестой фактор – инклюзивная стилистика официально не объявленной избирательной кампании Путина. Публичные заявления и решения свидетельствуют, что президент не просто стремится закрепить на выборах границы пост-крымской коалиции в элитах, он ориентируется на реконфигурацию этой коалиции, на повышение удельного веса молодых возрастов и обладателей современных компетенций. Активное участие в этой необъявленной кампании принимают фигуры, которых причисляют к системным либералам: им предоставляется возможность расширить своё представительство в составе путинских элит 2018 г. Повышенная инклюзивность избирательной кампании порождает в элитах и ряд побочных эффектов, одним из которых стал уже обсуждавшийся феномен К.А. Собчак.

Названные тренды – обновление элиты, появление новых компетенций – часто называют «технократическими», но этот термин не учитывает двух важных квалификационных требований. Это патриотизм и публичность. Новые рекруты должны быть патриотами на деле, а не только на словах, должны уметь адекватно вести себя в публичном пространстве, не просто говорить, но активно работать в режиме обратных связей. Люди, которые не справляются, будут лишаться своих позиций. Кроме того, происходит закрепление функциональной специализации в элитах, т. е. каждый занимается своим делом и не лезет на соседние «поляны». Крупный бизнес сосредотачивается на решении своих задач, а в публичную политику и на взаимодействие с административной элитой выходит в специальных форматах, а не в теневых, как преобладающе было раньше. Перспектива – реконфигурация системных элит в коалиции В.В. Путина после 2018 г., в результате чего они станут больше соответствовать новой путинской



программе. Я думаю, что адекватное название для неё – переход на модель суверенного социально-экономического развития.

Ещё одним трендом можно считать появление в составе системных элит новых категорий – гражданских активистов, или представителей общественности. Члены ОНФ начинают становиться составной частью элит, а не вспомогательными или декоративными фигурами. В последнее время можно говорить и о попытках вернуть учёных в состав национальной элиты.

Теперь о рисках, связанных с реконфигурацией элит. Первая группа рисков – стандартная: это недовольство «стариков», которых «отстаивают», и неполная адекватность «молодых», которые приходят на их место. Здесь чаще всего говорят о проблемах, с которыми столкнётся часть федералов в тех регионах, в которые они попали. Следующий риск – возможная политическая дезорганизация в результате подтягивания региональных практик к федеральным стандартам. Всё имеет побочные эффекты, антикоррупционная политика – не исключение. Например, риски дестабилизации в результате разрыва теневых связей в регионах. Побочные эффекты могут иметь и повышение автономии партий, и общественников; процесс только начинается, но он противоречит укоренившимся в регионах привычкам, и можно предположить, что он будет болезненным.

Отдельно стоит обозначить риски, связанные с возможным недовольством руководств национальных республик, которые будут побуждать к отказу от этнократических практик. В особую категорию следует выделить риски, связанные с мировоззрением новых рекрутов: их социализация пришлась на 1990-е гг., идеологически часть из них может не вписаться в нынешнюю атмосферу и в нынешний курс.

Зверев А.Л.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

В ОБЩЕСТВЕ СОХРАНЯЕТСЯ ЗАПРОС НА НОВЫХ ЛИДЕРОВ

Скажу не столько о самой политической элите, сколько о её восприятии. Особенно интересно, что общество ждёт от кандидатов на пост Президента РФ. Важный тренд касается восприятия всех политиков. У каждого из них независимо от того, поддерживают ли они власть или принадлежат к оппозиции, есть сильные и слабые стороны, которые находят отклик у граждан. Мы наблюдали восприятие 9 возможных кандидатов. Что касается восприятия В.В. Путина, его образ не просто отличается устойчивостью, но и более позитивно стал восприниматься в сравнении с 2012 г. Готовность проголосовать за него уже сегодня выразили 63,9% опрошенных. Основой поддержки дей-



ствующего президента остаётся его внешнеполитический курс. Пока ни один другой кандидат не может даже приблизиться к нему по уровню доверия и электоральной привлекательности. Однако ситуация осложняется довольно серьёзной политической демобилизованностью электората, что может сказаться на уровне явки избирателей.

Одновременно в массовом политическом сознании российских граждан есть запрос на новых лидеров, он сохраняется, по данным наших исследований, с 2012 г. Людей не устраивают старые лидеры, которые уже давно находятся в российской политике – Г.А. Зюганов, В.В. Жириновский, Г.А. Явлинский и др. На этом фоне только у В.В. Путина все основные имиджевые характеристики остаются на высоком уровне. По сути, это говорит о том, что, кроме В.В. Путина, нет лидеров, которые могли бы привлечь к себе внимание значительной части электората, что сильно снижает интерес к предстоящим президентским выборам и делает их уже не в первый раз выборами-референдумами о доверии главному политическому актору нашей страны. В результате возникает ситуация, когда, с одной стороны, избиратели готовы поддержать власть, но, с другой, содержательных предпосылок, мотиваций, о которых говорил М.В. Мамонов, к сожалению, у них пока нет. Особенно если В.В. Путин будет принимать участие в выборах – многие граждане в этом случае могут спросить себя: «а зачем ходить на такие выборы, если и так все понятно, кто победит?»

Что касается запросов на новые лица, в частности, на успешность в политике лидеров молодёжи, наше исследование дало несколько неожиданный результат. Так, например, молодёжь не считает А.А. Навального своим лидером, потому что он уже сегодня для них старый, особенно для когорты респондентов с 18-ти до 25-ти лет. А.А. Навальному уже 41 год, и молодёжь хочет, чтобы её интересы представлял более молодой лидер, которому были бы ближе те актуальные на сегодня запросы, имеющиеся у молодого поколения российских граждан. К тому же опрошенные молодые респонденты полагают, что не все свои обещания А.А. Навальный выполняет – и в этом молодёжь, которая сконцентрирована на материальном достатке и рациональном восприятии мира, испытывает некоторое разочарование от него.

Проведя в октябре 2017 г. исследование, мы выявили ещё одну важную угрозу, которую я бы не связывал исключительно с фигурой А.А. Навального – это угроза появления новых внесистемных политических лидеров, которые неожиданно могут вызвать интерес у значительной части электората, особенно у молодёжи. Если такие радикальные лидеры появятся и смогут артикулировать интересы молодёжи, она может пойти за ними. Граждане соскучились по тем политикам, которые бы понимали, какими заботами и нуждами они живут, и были бы способны жёстко отстаивать их интересы.



Соловьёв А.И.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

НОВЫЙ ФОРМАТ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА

Коллеги, я хотел бы уточнить объект разговора – о чём мы говорим? Элита – это страта, которая представляет интересы населения, принимает решения и жёстко связывает свою деятельность с государством. Она неизбежно несёт ответственность перед обществом и подотчётна закону. Но мы знаем, что представительские механизмы у нас весьма нерепрезентативны, а связи власти и общества во многом нарушены. Значительное число фигур, попадающих на ключевые властные позиции, вообще никого не представляют. Так что об их ответственности и подотчётности речи во многом и не идёт.

Второй момент: люди, которых мы избираем, по сути, никаких решений не принимают. Мы знаем, как и в каком формате у нас действуют различные латентные ассоциации правящего класса. С этой точки зрения необходимо вести речь не об элитах, а о новом формате организации правящего класса, который не опирается на демократические институты и нормы, а, используя их потенциал и возможности, перераспределяет ресурсы в интересах конкретных групп. Чтобы общественность не волновалась относительно преждевременной смерти демократии, ей разрешают решать, в какой цвет покрасить скамейку в парке. При этом принципиальные вопросы удаляются от неё с космической скоростью.

Так что уже укрепившаяся система правления экранирует давление граждан на власть, и эти «социальные лифты» – не более чем система продвижения лояльных активистов до границы серьёзных решений. А там уже стеклянная стена, демонстрирующая, что общественная повестка и принципы распределения благ не совпадают с тем перечнем вопросов, которые выделяет для себя власть. Потому то, о чём говорят коллеги, это не механизм обновления элиты, а способ декорирования усиления правящей группировки, для которой все эти рекрутинги носят символический характер.

Зорин В.А.*Челябинский государственный университет
(454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129, Российская Федерация)*

ЭЛИТА КАК ЛОКОМОТИВ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Влияние политических элит на конфигурацию предстоящей избирательной кампании может быть корректно оценено по мере обсуждения нескольких ключевых позиций.



Первый вопрос – мотивация участия в выборах «основного» кандидата. Причём не мотивация в индивидуально-психологическом смысле, а месседж, с которым действующий президент идёт в кампанию и который он готов предъявить обществу как обоснование легитимности власти на предстоящие 6 лет.

На мой взгляд, есть два типа ответов. Первый артикулирует тот факт, что предстоящие выборы являются последними в карьере В.В. Путина, тем самым вводя в публичную повестку тему передачи власти. Технологически эта модель может быть реализована через публичное позиционирование некоторых действующих политиков из элитной периферии как новых лидеров и проводников курса президента, проходящих «проверку боем» на вверенных им участках работы. Возможно, кадровым ресурсом для определения состава новой команды вполне могли бы стать политики, которые в настоящее время занимают оппозиционную нишу и реализуют проекты, ориентированные на гражданское общество.

Вторая модель легитимации для действующего президента предполагает акцентирование некой ценностной парадигмы, которая позволит интерпретировать властные амбиции как служение высшему благу и заботу об общенациональных интересах. На данный момент в качестве такой ценностной основы мы можем представить только т. н. пост-крымский консенсус. При этом вопрос о его актуальности и эффективности в современных реалиях решается неоднозначно. То, что говорили сегодня наши коллеги-социологи, содержит противоречивые данные относительно сохранения за этой идеологемой достаточного мобилизационного потенциала, особенно на перспективу до 2024 г.

Третий базовый вопрос, связанный с ролью современной российской элиты, – это вопрос о наличии или отсутствии элиты как таковой. Если мы понимаем социологически элиту как активное меньшинство, противостоящее пассивной и зачастую депрессивной массе, неизбежно возникает проблема её локализации в современных российских социальных реалиях. Кто может составить этот активный класс, вокруг каких ценностей и принципиальных позиций он может сплотиться?

Очевидно, что актуальность этого вопроса не связана напрямую с предстоящими выборами. Но в среднесрочной перспективе этот фактор приобретёт решающее значение. Развитие и прогресс не могут иметь в своей основе только стабильность и общенациональное согласие, необходимы реальные политические акторы, предлагающие обществу новые ценности, вокруг которых сформируется идентичность. Поиск её в «мире без Путина», т. е. в перспективе после 2024 г., это задача, которую следует решать уже сегодня.



Телин К.О.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)***КРИЗИС ЭКОНОМИКИ И ЦЕННОСТНЫЕ ИМИТАЦИИ СО СТОРОНЫ ЭЛИТ**

Коллеги, после предыдущих выступлений я сделал для себя ряд очень интересных открытий. Я с удивлением обнаружил, что таких губернаторов, как А.В. Бречалов, можно назвать технократами, а таких, как А.А. Алиханов, можно считать профессионалами, умеющими работать с общественным мнением. Вторым открытием было, что, оказывается, можно всерьёз воспринимать «западничество» К.А. Собчак. Я понимаю, что можно проводить параллели с В.В. Жириновским и его дискредитирующим популизмом, но параллель может возводиться и к одному человеку. Представьте, что на выборах 2000 г. соперником В.В. Путина был бы А.Б. Чубайс, которого бы все дружно называли лицом русского либерализма, он бы набрал свои полтора процента, после чего либерализм умер бы быстрее, чем он почил на самом деле. Вот К.А. Собчак – это такой Чубайс 2.0, Чубайс, которого выталкивают на выборы с понятными целями.

Базовый фактор, который относится как к элитам, так и к ценностям или внешней политике, но который мы почему-то обошли вниманием, хотя он даёт нам возможность даже и о революции поговорить, – это экономика, в том числе экономика регионов. Я понимаю, что можно говорить про языковые драмы в Татарстане, но надо говорить о неблагоприятной динамике региональных доходов и бюджетов. Госдолг регионов за последние 10 лет увеличился в пять раз, бюджетные кредиты начинают сокращаться стремительно, и это при том, что у нас анонсирована программа реструктуризации регионального долга, которая к регионам предъявляет очень жёсткие требования. Плюс недавно обновили указ об оценке эффективности исполнительных органов субъектов Российской Федерации.

Мне кажется, это главная драма, прежде всего драма региональной элиты уже после выборов – как одновременно удовлетворять высокий державный запрос на патриотизм и не обанкротиться при том. Нельзя не согласиться с М.В. Мамоновым: у нас развиты технологии имитации всего на свете, и имитировать патриотизм может любой губернатор, а мы после такой имитации можем, конечно, с серьёзным лицом говорить, что у нас идёт процесс национализации элиты и профессионального её определения. Коллеги, даже если обратиться к седьмому созыву Госдумы, там незаметно особой профессионализации и разведения по сегментам; там, вообще-то, стало в два раза больше олимпийцев и космонавтов, там остался 61 бизнесмен. И вообще средний депутат Государственной Думы – это миллионер. В новом созыве 230 миллионеров.



Почему нам это даёт возможность поговорить о революции? В июле 2017 г. три экономиста – Пикетти, Зукман и Новокме – опубликовали исследование неравенства в России с 1905 по 2015 гг. Так вот, мы вернулись в 1905 г. по уровню неравенства – с чем я кого-то могу поздравить, а кого-то огорчить. Но рассматривать поведение элиты только через бесконечные ценностные «бутерброды с Дейр-эз-Зором» или «рагу из Ракки» в информационном поле немного однобоко. Нам следует задуматься, что есть важные вопросы, связанные с благосостоянием населения и со структурными проблемами экономики, которая, действительно, начинает не просто находить дно, но и обустриваться там, а мы при этом продолжаем говорить, что это, в общем-то, нормально и зато мы нашли консенсус.

Левада-Центр в 2016 г. провёл исследование, спросив россиян, в какой степени они ощущают ответственность за происходящее в стране. 65% россиян ответили – ни в какой, ещё 22% – в крайне незначительной... Можно, конечно, сказать, что для нас это обычное дело, но это не так: в 2000 г. 26% говорили о значительной степени ответственности за происходящее в стране и только 37% не чувствовали ничего... Один показатель стал в три раза меньше, а другой в два раза больше. И это когда большую долю банковского сектора узурпировали государственные банки, огромная доля ВВП проходит через государственные структуры и консолидированный бюджет – когда есть такая статистика, как можно не видеть в российской политике трендов патернализма, я не понимаю.

Зверев А.Л.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НОВЫХ ГУБЕРНАТОРОВ С РЕГИОНАЛЬНЫМИ ЭЛИТАМИ И СМИ

Наше исследование, проводившееся в октябре 2017 г., показало, что единственным актором, потерявшим политическую значимость, являются главы российских регионов. Эта тенденция, которая наблюдается несколько лет и требует изучения. Но можно предположить, что смена власти в регионах воспринимается населением с тревогой и трактуется как ослабление региональной власти и усиление Москвы.

К тому же вновь избранные в сентябре 2017 г. главы регионов выиграли выборы с новой политической повесткой, в которой многие из них стали именоваться молодыми технократами. Вместе с тем их первые шаги на посту глав регионов уже вызвали первые конфликты с местными элитами, они тяжело вписываются в региональный политический контекст, а многие, как



нынешний губернатор Калининградской области А.А. Алиханов, стали «жертвами» собственных команд, когда их действия по выстраиванию отношений с местным пулом журналистов приводили к негативному результату.

Другие вновь избранные главы имеют затруднения со вписыванием в сложившийся элитный дизайн. Особенно остро подобные противоречия проявлялись в отдельных регионах при процедурах согласования предлагаемых новым губернатором министров и иных управленцев. Представьте: новый глава, который мало вписан в элитное сообщество, не имеет собственной команды, а в национальных республиках к этому ещё и добавляется клановая борьба за то, чтобы при смене главного актора сохранить собственное место. В такой ситуации новый глава бросается в бой, и, не понимая специфики местного политического процесса, либо подстраивается под запросы местных элит, либо, наоборот, пытается всё сломать, и тогда элита тоже начинает плести заговор против него, чтобы избавиться от такого «варяга».

Проводившиеся в сентябре 2017 г. выборы глав отдельных регионов дали почву для возникновения ещё одной проблемы для региональных элит. Муниципальный фильтр сделал некоторых исполняющих обязанности глав регионов безальтернативными и позволил им получить около 90% голосов избирателей. И теперь для них сложная дилемма в марте 2018 г.: как обеспечить результат на президентских выборах кандидату-фавориту, чтобы он не получил меньшей поддержки жителей их регионов, чем сам новый их глава. Иначе может возникнуть вопрос: губернатору люди доверяют больше, чем избранному президенту? Как в регионах будет разруливаться такая ситуация – непонятно.

Шестопал Е.Б.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

ЭЛИТА КАК ФАКТОР РИСКА

По ходу обсуждения у меня возникли некоторые соображения, касающиеся наших элит.

Проблема первая: если мы меняем губернаторов – как это воспринимает общество? Оно воспринимает это как функционирование социального лифта и освобождение от тромбирования сосудов? Когда людям говорят «мы поменяли плохого губернатора на хорошего, а старого – на молодого», это значит «у каждого из вас есть шанс попасть во власть?» Если это так воспринимается, всё замечательно; но почему-то наши данные показывают, что единственный институт власти, который сегодня воспринимается хуже, чем год назад, это именно губернаторы. Поменяли 20 губернаторов, и мы фикси-



руем, что доверие к губернаторскому корпусу упало даже с прошлого года. Может быть, в действительности они замечательные люди, может быть, не всем «по кочану», но почему тогда общество так реагирует?

Может быть, прав А.Л. Зудин, который говорит, что они ещё не успели себя показать, но мне кажется, уже сейчас видно, что у кого-то лидерский потенциал... сомнителен. Почему именно на лидеров запрос идёт? Не потому, что наш народ авторитарный и ему обязательно надо персону во главе видеть, просто управленческий контекст меняется. Люди ощущают тревогу и неопределённость, и в этой ситуации им нужен не начальник-бюрократ, который будет бороться за свои интересы, а тот, кто встанет за народ, за справедливость, кто будет о людях заботиться. Видят ли они это в новых назначениях? Очевидно, они ещё не сумели показать им это, может быть, покажут, но запрос на такой тип лидера существует. Смогут или нет новые люди во власти это показать, будет зависеть от многих вещей.

Кроме того, я думаю, что риски, идущие от элиты, обязательно включают в себя не саму по себе смену, ротацию или что-то подобное, а именно одновременную смену самых разных элит. Я как-то говорила, что это мне напомнило, как в Москве ремонтировали дороги. Взяли и перекрыли сразу всё, и никто не работал, потому что невозможно было никуда доехать. Так у меня есть опасение, что, когда идёт такая кампания по замене одних на других, народ не может нормально работать, он ждёт, когда придут новые люди, и тогда подстроится под начальника. Поэтому здесь есть серьёзные вопросы не только к тому, что происходит, но и к тому, как это происходит, и это необходимо продумывать.

Штукина Т.А.

*Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации
(103426, г. Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 26, Российская Федерация)*

РЕПЛИКА

У меня два слова про изменения отношения к губернаторам. 14 ноября 2017 г. опубликован указ Президента Российской Федерации о новом перечне критериев оценки деятельности исполнительной власти в субъектах РФ, и там есть пункты, посвящённые как отношению населения к деятельности главы региональной исполнительной власти, так и отношению населения к деятельности органов государственной власти Российской Федерации в целом. При этом первый из названных пунктов действовать будет только до 1 августа 2018 г., а после этого дня власть федеральную не будет интересоваться мнением населения о губернаторе, а будет интересоваться мнением населения о государственной власти Российской Федерации. Я считаю, что это очень серьёзный знак, и он укладывается в ту историю с назначением



нынешних новых руководителей субъектов, по поводу которых не подразумевается, что они должны работать только на себя. Они должны работать на образ власти в целом.

Шестопал Е.Б.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация)*

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ДИСКУССИИ

Трудно свести к общему знаменателю столь разные мнения и подходы. Остановлюсь на некоторых выводах, которые я могла бы сделать из нашего обсуждения.

Первое. В канун президентской избирательной кампании можно говорить, с одной стороны, об отсутствии на данный момент каких-либо выраженных идейных расколов и серьёзного напряжения в обществе. Готовность подчиняться власти, государству в обществе сохраняется. А, с другой стороны, та политическая демобилизация, которая продолжается после прошедших в прошлом году парламентских выборов, сама является определённой угрозой, которая может помешать высокой явке на выборы. В целом психологическую обстановку можно характеризовать как неустойчивую и трудно предсказуемую.

Второе. Запросы, которые на сегодняшний день сформировались в обществе по отношению к власти, изменились по сравнению с предыдущим электоральным циклом. Если в 2012 г. основным требованием к власти были наведение порядка, сохранение стабильности, борьба с коррупцией и олигархами, сейчас первое место среди социальных запросов занимает ожидание от власти эффективности и профессионализма. Этот вывод подтверждается самыми разными опросами, включая наши данные относительно запросов на определённый тип политика, от которого ждут прежде всего не только внешней привлекательности, силы, красноречия или личной незапятнанности в коррупционных скандалах, но профессионализма, заботы о людях и внятной политической стратегии.

Третье. Жёсткая риторика власти, которую традиционные СМИ транслируют, начиная с 2014 г., перестала оказывать консолидирующее воздействие на общество. Пост-крымский консенсус ещё существует, но его необходимо поддерживать и на уровне общества, и особенно на уровне элит. Вообще, традиционные СМИ серьёзно уступают сегодня новым формам политической коммуникации по степени доверия со стороны общества в целом и со стороны молодых когорт в особенности. Даже за год, прошедший после пар-



ламентских выборов, это влияние новых СМИ возросло и привело к тому, что узнаваемость тех политиков, которые в них активны, необычайно выросла. Причём независимо от их политической ориентации.

Четвёртое. За тем фактом, что за последнее время в политике блогосфера, Twitter и другие новые каналы коммуникации значительно усилили своё влияние, стоит ещё один важный социальный фактор: в политику пришло и утвердилось новое поколение избирателей, у которого сформировались свои запросы к власти, политикам и даже стилистике политической жизни. Это поколение будет бороться за своё место, за то, чтобы быть представленным во власти, в отличие от старших поколений, которые демонстрируют апатию, оно настроено на активность, хотя и очень разнородно в идейном отношении.

Пятое. Образ В.В. Путина в массовом сознании имеет весьма позитивный отклик. По нашим данным, в настоящее время за него готовы отдать свои голоса 63,9% опрошенных. Это намного больше, чем в 2012 г. Однако, как ни странно, именно среди сторонников В.В. Путина довольно много неопределившихся (15%). Это можно объяснить только тем, что его электорат до конца не отобилизован.

Шестое. В стране уже давно ощущается запрос на новые лица в политике. Но те новые политики, которые недавно появились на политической сцене, пока не воспринимаются обществом серьёзно. Это относится и к новым губернаторам, и к новым кандидатам, заявившим о своих президентских амбициях. Ни те, ни другие не удовлетворяют запроса общества на новые идеи, цели и смыслы, которые пока не сформулировали ни власть, ни оппозиция.

Необходимость новой политической мобилизации общества диктуется не только требованием обеспечения явки, но и проблемой повышения доверия к власти в целом. Уже много лет вся политическая система держится на авторитете личности Президента РФ. К счастью, его образ сохраняет привлекательность в глазах граждан. Но уже давно общество ждёт, что ему предъявят не только воплощение личной силы, мужественности и надёжности, но и программу действий, чёткие смыслы и ценности. За прошедший год власть не выработала внятной стратегии и не ответила на ряд ключевых вопросов: какую политическую систему мы хотим иметь (однопартийную или многопартийную)? Есть ли шанс отказа от неформальных политических практик (это гораздо шире, чем коррупция) и возрождения публичной политики? Каким образом власть видит политическое будущее страны? Как оно оценивает наше историческое прошлое, в частности советский период, включая революцию? С этими и другими вопросами власти предстоит определиться и выстроить систему целей и приоритетов во внутренней политике на новый президентский срок и на более долгосрочную перспективу.

Седьмое. Проблема смены политических элит также входит в число первоочередных задач на новом этапе. Так, кадровая революция, которая



началась год назад и, скорее всего, продолжится и в пред-, и послевыборный период, не может свестись лишь к приходу «порядочных» политиков на место коррумпированных, молодых и просто новых – на место старых и уставших. Речь идёт о создании понятной обществу системы социальных лифтов. Молодое поколение активных граждан уже не один раз на протяжении постсоветского периода, поверив власти, шло в различные провластные структуры, но, не получив дальнейшего продвижения, либо становилось апатичным, либо уходило в оппозицию. Нельзя допустить этого ещё раз.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию 21.02.2018

Статья размещена на сайте: 16.03.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шутов Андрей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, декан факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: info@polit.msu.ru

Шестопал Елена Борисовна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: info@polit.msu.ru

Соловьёв Александр Иванович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: solovyev@sps.msu.ru

Петухов Владимир Васильевич – кандидат социологических наук, руководитель Центра комплексных социологических исследований Института социологии РАН, заместитель председателя Научного совета ВЦИОМ; e-mail: web@wciom.com

Петренко Елена Серафимовна – кандидат философских наук, директор по исследованиям Фонда «Общественное мнение»; e-mail: fom@fom.ru

Мамонов Михаил Викторович – кандидат политических наук, руководитель исследовательских проектов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), доцент Финансового университета при Правительстве РФ; e-mail: web@wciom.com

Барсенков Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: info@fmp.msu.ru

Зудин Алексей Юрьевич – кандидат политических наук, член Экспертного совета Института социально-экономических и политических исследований; e-mail: info@isepr.ru

Заславский Сергей Евгеньевич – доктор политических наук, научный руководитель Автономной некоммерческой организации «Центр общественно-политических проектов и коммуникаций» (ЦОППИК); e-mail: coppik@list.ru



Макаренко Борис Игоревич – кандидат политических наук, председатель правления Центра политических технологий, профессор Национального исследовательского университета Высшей школы экономики; e-mail: bmakarenko@hse.ru

Штукина Татьяна Алексеевна – кандидат политических наук, референт Аналитического управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: info@polit.msu.ru

Кузнецов Игорь Иванович – доктор политических наук, профессор кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, исполнительный директор Российского общества политологов; e-mail: info@polit.msu.ru

Артамонова Юлия Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: info@polit.msu.ru

Зорин Василий Анатольевич – кандидат политических наук, руководитель Челябинского регионального отделения Российского общества политологов, доцент историко-филологического факультета Челябинского государственного университета; e-mail: istfak@csu.ru

Телин Кирилл Олегович – кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: info@polit.msu.ru

Добрынина Екатерина Павловна – кандидат политических наук, заместитель ответственного секретаря, ведущий редактор «Российской газеты»; e-mail: office@rg.ru

Жестков Максим Игоревич – кандидат политических наук, начальник отдела социальных сетей Международного информационного агентства «Россия сегодня»; e-mail: office@rian.ru

Зверев Андрей Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: info@polit.msu.ru

Евгеньева Татьяна Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: info@polit.msu.ru

Смутькина Наталья Валентиновна – кандидат политических наук, младший научный сотрудник кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: info@polit.msu.ru

Andrey Y. Shutov – Doctor of Political sciences, professor, Dean of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: info@polit.msu.ru

Yelena B. Shestopal – Doctor of Political sciences, professor, Head at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: info@polit.msu.ru

Alexander I. Solovyev – Doctor of Political sciences, professor, Head at the Department of Political Analysis, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; e-mail: solovyev@spa.msu.ru



- Vladimir V. Petukhov* – PhD in Sociological sciences, Director of the Center for Complex Social Studies, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: web@wciom.com
- Elena S. Petrenko* – PhD in Philosophical sciences, Research Director of the “Public Opinion” Fund; e-mail: fom@fom.ru
- Mikhail V. Mamonov* – PhD in Political sciences, specialist of the Department on Research Processes, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM); e-mail: web@wciom.com
- Aleksandr S. Barsenkov* – Doctor of Historical Studies, professor of School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: info@fmp.msu.ru
- Aleksey Yu. Zudin* – PhD in Political sciences, member of the Expert Council of Institute of Socio-Economic and Political Researches; e-mail: info@isepr.ru
- Sergey E. Zaslavsky* – Doctor of Political sciences, Scientific Director of the Center for Social and Political Projects and Communications; e-mail: coppik@list.ru
- Boris I. Makarenko* – PhD in Political sciences, Chairman of the Center for Political Technologies; e-mail: bmakarenko@hse.ru
- Tatyana A. Shtukina* – PhD in Political sciences, legal assistant at the Analytical Department of the Staff of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation, Associate Professor at the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; e-mail: info@polit.msu.ru
- Igor I. Kuznetsov* – Doctor of Political sciences, professor at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: info@polit.msu.ru
- Julia D. Artamonova* – PhD in Political sciences, Associate Professor at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: info@polit.msu.ru
- Vasily A. Zorin* – PhD in Political sciences, Associate Professor of the Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University; e-mail: istfak@csu.ru
- Kirill O. Telin* – PhD in Political sciences, Research Assistant at the Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University; e-mail: info@polit.msu.ru
- Ekaterina P. Dobrynina* – PhD in Political sciences, deputy executive secretary, leading editor of Rossiyskaya Gazeta; e-mail: office@rg.ru
- Maksim I. Zhestkov* – PhD in Political sciences, officer of Social Networks Department, the International News Agency “Rossiya Segodnya”; e-mail: office@rian.ru
- Andrey L. Zverev* – PhD in Political sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: info@polit.msu.ru
- Tatyana V. Evgenieva* – PhD in Historical sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: info@polit.msu.ru
- Natalya V. Smulkina* – PhD in Political sciences, Junior Research Assistant at the Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: info@polit.msu.ru



ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Состояние российского общества и власти накануне президентских выборов (круглый стол) / А.Ю. Шутов, Е.Б. Шестопал, А.И. Соловьёв, В.В. Петухов, Е.С. Петренко, М.В. Мамонов, А.С. Барсенков, А.Ю. Зудин, С.Е. Заславский, Б.И. Макаренко, Т.А. Штукина, И.И. Кузнецов, Ю.Д. Артамонова, В.А. Зорин, К.О. Телин, Е.П. Добрынина, М.И. Жестков, А.Л. Зверев, Т.В. Евгеньева, Н.В. Смутькина // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru

Shutov A.Y., Shestopal E.B., Soloviev A.I., Petukhov V.V., Petrenko E.S., Mamonov M.V., Barsenkov A.S., Zudin A.Yu., Zaslavsky S.E., Makarenko B.I., Shtukina T.A., Kuznetsov I.I., Artamonova Yu.D., Zorin V.A., Telin K.O., Dobrynina E.P., Zhestkov M.I., Zverev A.L., Evgenieva T.V., Smulkina N.V. The state of Russian society and the authorities on the eve of the presidential elections (Round table). In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2018, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru

